

Oriental Journal of Philology**ORIENTAL JOURNAL OF PHILOLOGY**

journal homepage:

<http://www.supportscience.uz/index.php/ojp/about>**ARTISTIC TIME AS A FORM OF EXPRESSING THE TRAGIC CONDITION IN THE SHORT STORIES OF A. P. CHEKHOV AND ABDULLA QAHHOR*****Gulchekhra Sait-Abdullayevna Makhmadiyeva****PhD, Lecturer, Department of Russian Language and Literature**Termez University of Economics and Service*mahmadiyeva1976@gmail.com

Science ID: FSD-0726-0082

Termez, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: artistic time, tragic condition, chronotope, short fiction, narrative rhythm, repetition, waiting, A. P. Chekhov, Abdulla Qahhor.

Received: 10.09.26**Accepted:** 11.09.26**Published:** 12.09.26

Abstract: The article examines artistic time as an active means of creating and intensifying a character's tragic condition in A. P. Chekhov's "Misery" and Abdulla Qahhor's "The Sick Woman." The comparative analysis shows that tragedy is shaped not only by bereavement or illness but also by temporal organization: deceleration, repeated unsuccessful attempts, waiting, pauses, and the mismatch between a character's inner time and the rhythm of the surrounding world. In Chekhov, this structure reveals Iona's communicative isolation; in Qahhor, the duration of illness becomes a social ordeal and delay exposes the vulnerability of poverty.

A.P. CHEKHOV VA ABDULLA QAHHOR HIKOYALARIDA FOJIALI HOLATNI IFODALASH SHAKLI SIFATIDA BADIY VAQT***Gulchekhra Sait-Abdullayevna Makhmadiyeva****PhD, Termiz iqtisodiyot va servis universiteti**Rus tili va adabiyoti kafedrasi o'qituvchisi*mahmadiyeva1976@gmail.com

Ilmiy identifikatsiya raqami: FSD-0726-0082

Termiz, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: badiiy vaqt, fojiali holat, xronotop, kichik nasr, hikoya ritmi, takror, kutish, A. P. Chexov, Abdulla Qahhor.

Annotatsiya: Maqolada badiiy vaqt qahramonning fojiali holatini yaratish va kuchaytirishning faol vositasi sifatida A. P. Chexovning «G'am» hamda Abdulla Qahhorning «Bemor» hikoyalari asosida

tadqiq etiladi. Qiyosiy tahlil fojialilik faqat yo‘qotish yoki kasallik hodisasi bilan emas, balki vaqtning o‘ziga xos tashkil etilishi — harakatning sekinlashuvi, samarasiz urinishlarning takrorlanishi, kutish, pauzalar hamda qahramon ichki vaqti bilan tashqi olam ritmining nomuvofiqligi orqali shakllanishini ko‘rsatadi. Chexovda vaqt tuzilishi Ionaning kommunikativ yolg‘izligini ochsa, Qahhorda kasallik davomiyligi ijtimoiy sinovga aylanadi va kechikish kambag‘allikning himoyasizligini namoyon qiladi.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ТРАГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА И АБДУЛЛЫ КАХХАРА

Гулчехра Саит-Абдуллаевна Махмадиева

PhD, преподаватель кафедры русского языка и литературы

Термезский университет экономики и сервиса

mahmadiyeva1976@gmail.com

Научный идентификационный номер: FSD-0726-0082

Термез, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: художественное время, трагическое состояние, хронотоп, малая проза, повествовательный ритм, повтор, ожидание, А. П. Чехов, Абдулла Каххар.

Аннотация: В статье исследуется художественное время как активный способ создания и углубления трагического состояния персонажа. Материалом сопоставительного анализа служат рассказы А. П. Чехова «Тоска» и Абдуллы Каххара «Болезнь». Установлено, что в обоих произведениях трагизм формируется не только событием утраты или болезни, но и особой организацией времени: замедлением действия, повторяемостью неудачных попыток, ожиданием, паузами и несовпадением внутреннего времени героя с ритмом окружающего мира. У Чехова временная структура выявляет коммуникативное одиночество Ионы: город продолжает движение, тогда как сознание героя возвращается к смерти сына. У Каххара длительность болезни превращается в социальное испытание, а последовательность бесплодных действий демонстрирует зависимость бедного человека от равнодушного общественного порядка.

Введение. В концепции М. М. Бахтина время и пространство образуют содержательно значимое единство — хронотоп, в котором временные признаки становятся зримыми, а

пространство включается в движение сюжета [1]. Для анализа рассказа это положение принципиально: краткий эпизод способен вместить длительный жизненный опыт, если настоящее героя насыщено следами прошлого и ожиданием будущего. Важна не календарная продолжительность события сама по себе, а художественная мера времени, то есть соотношение изображаемой длительности и объёма повествования.

Нарратологическая модель Ж. Женетта позволяет рассматривать время через категории порядка, длительности и частоты [2]. Порядок показывает соотношение событийной хронологии и рассказа о ней; длительность — различие между временем истории и временем повествования; частота — количество повествовательных воспроизведений одного или однотипных событий. Эти параметры непосредственно связаны с эмоциональным строем текста. Трагическое состояние в рассказе не обязательно совпадает с классическим трагическим конфликтом. Оно может проявляться как переживание непреодолимого несоответствия между человеческой потребностью и устройством мира: потребностью быть услышанным и всеобщей глухотой; надеждой на помощь и её недоступностью; движением жизни и остановкой внутреннего времени. В такой структуре художественное время выполняет три взаимосвязанные функции. Во-первых, психологическую: передаёт субъективную длительность боли. Во-вторых, композиционную: связывает повторяющиеся эпизоды в нарастающую последовательность. В-третьих, социально-оценочную: обнаруживает, кому принадлежит право распоряжаться временем и чьё ожидание оказывается никому не важным.

Замкнутое время горя в рассказе а. П. Чехова тоска

В рассказе Абдуллы Каххара «Большая» временная структура также связана с бедой семьи, однако трагизм получает более отчётливую социальную направленность. Жена Сатывалды тяжело заболевает, но бедность лишает её своевременной медицинской помощи. Вместо результативного действия следуют молитвы, советы, знахарские процедуры и новые расходы [4]. Время болезни превращается в цепь отсрочек: помощь постоянно заменяется её суррогатом, а надежда переносится на следующий способ спасения.

Если в «Тоске» повторяется попытка высказаться, то в «Большой» повторяется попытка отсрочить катастрофу. Каждое новое действие формально направлено в будущее — ожидается выздоровление, помощь или чудо, — но фактически возвращает семью к исходной беспомощности. Так формируется циклическая модель времени. Её трагичность состоит в мнимом движении: события происходят, средства тратятся, люди приходят и уходят, однако состояние больной ухудшается. Время оказывается не ресурсом спасения, а силой необратимого истощения.

Существенную роль играет мотив рассвета. Совет разбудить ребёнка, чтобы его молитва на рассвете была услышана, переводит последнюю надежду семьи в сакральное время. Обычно рассвет символизирует обновление, но Каххар переосмысливает этот образ трагически. Ожидаемое утро не открывает новую жизнь; оно лишь делает особенно резким несовпадение детской веры и реального исхода. Обещание будущего оказывается лишено действенной опоры, поэтому переход от ночи к утру воспринимается не как преодоление тьмы, а как завершение отсрочки.

Трагическое состояние Сатывалды передаётся через зависимость от чужого времени. Он вынужден ждать советов, доступных денег, милости более обеспеченных людей, результата обрядов. Возможность действовать определяется не потребностью больной, а социальным порядком. В этом смысле рассказ показывает темпоральное неравенство: для человека, обладающего средствами, болезнь допускает немедленное обращение к врачу; для бедняка время расходуется на ожидание и бесплодные процедуры. Промедление становится художественной формой социальной несправедливости.

Лаконизм финала усиливает эффект необратимости. После растянутого ожидания трагическое событие сообщается без длительного объяснения. Резкое сжатие выполняет функцию временного обрыва: будущее, на которое были направлены надежды семьи, исчезает. В отличие от чеховского финала, где проговаривание горя всё же начинается, у Каххара время не предоставляет герою даже такого минимального облегчения. Оно фиксирует предел, за которым остаётся только осознание запоздалости всех предпринятых действий.

Сопоставительная модель художественного времени

Сходство двух рассказов определяется не прямым совпадением сюжетов, а родственностью временных механизмов. Оба автора изображают частного человека в предельно уязвимом состоянии и строят повествование как ряд повторных, но безрезультатных попыток. Иона ищет слушателя; Сатывалды ищет помощь. В обоих случаях действие направлено к другому человеку и к будущему изменению ситуации, однако окружающий мир не принимает эту направленность. Повтор превращает отдельную неудачу в закономерность и тем самым формирует трагическое обобщение.

Различие состоит в доминирующем типе трагизма. У Чехова временной конфликт прежде всего психологический и коммуникативный. Прошлое не отпускает героя, настоящее не даёт ему собеседника, а будущее не обозначено. У Каххара конфликт социально-бытовой: настоящее расходуется на отсрочки, а возможность будущего зависит от материальных условий. Чехов показывает невозможность разделить уже случившееся горе; Каххар — невозможность вовремя предотвратить надвигающуюся утрату.

Различны и пространственно-временные конфигурации. В «Тоске» открытое городское пространство наполнено движением, но для героя оно внутренне замкнуто: многочисленные контакты не образуют общения. В «Больной» пространство бедного дома ограничено, а время определяется приходом людей, советующих всё новые средства. Однако в обоих произведениях пространственная замкнутость возникает именно через время. Город становится тесным из-за повторяемости равнодушных встреч, а дом — безвыходным из-за повторяемости безрезультатного ожидания.

Сопоставление позволяет выделить четыре компонента темпоральной драматургии страдания. Первый — исходное нарушение жизненного хода: смерть сына или болезнь жены. Второй — рассогласование субъективного и внешнего времени. Третий — серия повторных действий, создающих видимость движения. Четвёртый — финальное сжатие или замедление, которое раскрывает необратимость трагического опыта. Эта модель не сводит художественные системы двух авторов к единой схеме, но показывает общий принцип малой прозы: ограниченное событийное время способно выразить длительную человеческую судьбу.

Влияние русской школы рассказа на узбекскую малую прозу проявляется здесь не в механическом заимствовании сюжета, а в освоении принципов психологической лаконичности, детали и подтекста. Вместе с тем Каххар преобразует эти принципы в соответствии с национальным социально-бытовым материалом. Чеховская поэтика невысказанного соединяется у узбекского писателя с сатирически заострённым изображением бедности, суеверия и общественного равнодушия. Поэтому межлитературный синтез обнаруживается на уровне функции времени: оно одновременно раскрывает внутреннее переживание и оценивает устройство среды.

Заключение. Проведённый анализ подтверждает, что художественное время является самостоятельной формой выражения трагического состояния. Оно не только располагает события в последовательности, но и организует переживание утраты, ожидания и безысходности. В «Тоске» трагизм создаётся остановкой внутреннего времени Ионы, ускорением городского ритма, повторением несостоявшихся разговоров и финальным ночным замедлением. В «Больной» основными приёмами становятся длительность ожидания, повествовательное сжатие бесплодных действий, циклическая смена ложных надежд и резкий обрыв будущего.

Общей основой двух произведений выступает временная структура неслышанной человеческой потребности. Герои действуют, но их действия не приближают желаемого результата; внешнее движение скрывает внутреннюю неподвижность ситуации. Благодаря этому индивидуальное несчастье приобретает обобщающий смысл. Время выявляет не

только глубину личной боли, но и нравственное состояние общества, которое не умеет остановиться ради чужого горя или своевременно прийти на помощь.

Предложенное понятие темпоральной драматургии страдания позволяет объединить психологический, композиционный и социальный аспекты анализа. Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение данного механизма в других русских и узбекских рассказах, а также сопоставление временных моделей трагического, лирического и сатирического повествования. Это даст возможность точнее определить роль хронотопа в формировании межстилевого синтеза национальных литератур.

Список использованной литературы:

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры: в 2 т. Пер. с фр. Н. Перцова. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.
3. Чехов А. П. Тоска // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Москва: Наука, 1976. Т. 4. С. 326–330.
4. Каххар А. Больная: рассказ. Электронная библиотека Ziyouz. URL: <https://www.ziyouz.uz/ru/proza/uzbekskaya-sovremennaya-proza/612-2012-09-06-11-26-21> (дата обращения: 09.09.2026).
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.
6. Хализев В. Е. Теория литературы. 6-е изд. Москва: Академия, 2013. 432 с.
7. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. Москва: Академия, 2009. 336 с.